

Эварист Парни

Война богов

ПОЭЗИЯ

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Э14

Эварист Парни
Э14 Война богов: поэзия / Эварист Парни – М.: Книга по Требованию, 2013. – 244 с.

ISBN 978-5-458-24042-0

(цитата из Википедии) Эварист Дезирé де Форж Парни́ (фр. Évariste Désiré de Forges, chevalier puis vicomte de Parny; 6 февраля 1753, Сент-Поль, остров Бурбон (ныне Реюньон) 5 декабря 1814, Париж) французский поэт, член Французской академии с 1803; граф. Парни сформировался под влиянием Вольтера. Ведущим жанром лирики Парни была элегия. Сборник «Любовные стихотворения» вышел в 1778 г., в 1779 г. сборник «Поэтические безделки». В 1799 г. он написал ироикомическую поэму «Война старых и новых богов», в которой пародировал Библию. Влияние Парни было велико во Франции в творчестве А. Шенье, А. Ламартина и др., а также и в России в творчестве Крылова, Батюшкова, Давыдова, Вяземского, Пушкина и др. У Пушкина есть множество переводов и подражаний Парни в «лицейских» и более поздних стихотворениях до 1824 г. Парни упоминается также в «Евгении Онегине». Желая похвалить Батюшкова, Пушкин называет последнего «российским Парни», а говоря о Баратынском, выражает надежду, что он «превзойдет Парни».

ISBN 978-5-458-24042-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Автор сей поэмы — Дух святой. Приход христианских богов на небеса. Юпитер успокаивает гнев языческих богов. Обед, данный ими в честь новых собратьев. Неосторожность девы Марии и дерзость Аполлона.

О братие! Однажды над Писаньем
Я в набожном раздумье пребывал.
Сон пролетал, сопутствуем Молчаньем
В тиши ночной, и маки рассевал.
Но яркий свет внезапно озаряет
Всю комнату... Я трепетом объят.
Неведомый струится аромат
И дивный глас в сознание проникает.
Мне слышится божественный глагол...
Гляжу: вдруг белый голубь прилетает
И плавно опускается на стол.

Сиянием и гласом тем смущенный,
Я ниц упал, коленопреклоненный.
«Зачем, господь, меня ты посетил?»
«Хочу, чтоб ты в стихах благочестивых
Воспел триумф над сонмом нечестивых
И веру всем французам возвратил».
«О господи! Для подвига такого
Не лучше ли найти певца другого?»

Ведь у меня — познаний лишь верхи.
Я набожен, но дел твоих не знаю.
К тому ж, забыв про давние грехи,
Оставил я и прозу, и стихи».
«Не бойся! Я бессильным помогаю,
Я исцеляю немощи души.
Садись за стол, внимай мне и пиши!»

Я стал писать. А вы теперь читайте,
За вольности, однако, не браня:
Они мне чужды; в них — вы это знайте! —
Повинен тот, кто вдохновил меня.
Не автор я, меня не осуждайте!

Благословясь, о братие, начнем!
Итак, справляя Юпитер день рожденья.
Толпой явились боги на прием,
Приветствия полны благоговенья,
Поднесены дары... За этим вслед
Всех пригласил Юпитер на обед.
Легка, вкусна божественная пища:
Проворный Эвр в небесные жилища
Им приносил куренья с алтарей;
Амброзию на блюдах подавали,
Нектар в золотые кубки наливали
(Залог бессмертия — напиток сей).

В разгаре пир... Внезапно прилетает
Встревоженный Юпитера орел
И новости дурные сообщает:
«Всю эту ночь на страже я провел,
И увидал: часть неба захватила
Пришельцев многочисленная рать.

Они бледны, длинноволосы, хилы;
Их — тысячи. . . Лежит на них печать
Смиренности, поста и воздержанья.
Крестом сложив ладони на груди,
Они идут вперед без колебанья.
Владыка мой, сюда их скоро жди!»
Звучит приказ: «Меркурий быстроногий,
Лети, узнай, кто это, да не трусь!»
Рекла Минерва, полная тревоги:
«Быть может, новоявленные боги?»
«Ты думаешь?» — «Я этого боюсь.
Над нами люди начали смеяться,
Сатиры стали дерзкие писать.
Дряхлеем мы и, следует признаться,
Свое влиянье начали терять.
Боюсь Христа». — «Бояться нет резона.
Сын голубя, бродяга и аскет,
Распятый на кресте во время оно,
И это — бог?» — «А почему б и нет?»
«Не бог, а шут!» — «Смешон его завет,
Но по-сердцу он людям легковерным,
Что неразумьем славятся безмерным.
Тиранов он поддерживает гнет,
Рабу велит: чти свято господина!
Политикой искусной Константина
Поддержан он, и горе всех нас ждет!»

Когда имеешь крылышек две пары,
Летаешь быстро. . . Вот уже назад
Спешит Меркурий. Озабочен взгляд,
Плохих известий ждет Юпитер старый.
«Да, новые к нам божества идут».
«Возможно ли?» — «Да, это вправду боги.

Они скучны, напыщенны, убоги
И неумны; но римляне их чтут,
А нас уже не будут больше славить.
Уже указ мне дали прочитать;
Там Константина подпись и печать.
Велит он нам — могу я вас поздравить —
Христа с семьей любить и уважать,
И половину неба им отдать,
Другую же пока себе оставить».

Едва Меркурий кончил свой рассказ,
Со всех сторон послышалось: «Бандиты!»
«Убейте их!» — «Что нужно им от нас?»
Юпитер встал, спокойный, но сердитый.
Два раза он нахмурил грозно бровь...
Тотчас Олимп заколебался вновь
И, побледнев, буяны замолчали.
У смельчаков застыла в жилах кровь,
От ужаса коленки задрожали.

Юпитер им с улыбкою сказал:
«Как видите, еще не отобрал
Христос мое могущество бывшее,
И молнии родит мое чело.
Умерьте гнев! Вам не грозит плохое:
Я властвую, соперникам назло.
Здесь никого нельзя сравнить с Минервой
По мудрости; пусть выскажется первой».

В ответ она: «Воздвигнув лжебогов,
Их низвергают люди очень скоро.
И мой совет поэтому таков:
Пустите их на небеса без спора.

Ведь он сейчас лишь укрепит их власть, —
Ей все равно придется скоро пасть.
Презрение уместнее, чем ссора».

И повелел Юпитер, чтоб в раю
Пришельцам впредь помехи не чинились,
Чтоб боги христиан расположились
И скинию поставили свою.

Заметил Феб: «Коль достоверны слухи —
Соперники у нас — слабее мухи,
Но им везет: они теперь в чести.
Знакомство с ними следует свести.
По-моему, желательно проведать
Повадки их, обычаи, и нрав,
И слабости. . . Ну, разве я не прав?
Давайте, пригласим их пообедать.
Смеетесь вы? Смеяться вам не след.
Пошлем гонца, пусть просит на обед.
Ведь выскочки обидчивы к тому же. . .
Олимпом мы владеем искони,
А потому — как бы не вышло хуже —
Пусть в гости к нам пожалуют они».

Юпитер этой речью успокоен,
И смысл ее лукавый им усвоен.
Кивнул он в знак согласия головой.
Он не любил Христа с его семьей,
Но боги любопытны, как мы сами. . .
Он дал распоряжение, и тотчас
Стрелой гонец помчался за гостями,
Которые явились через час.

Как сосчитать гостей? Их было трое
В одном лице, или, наоборот,
Один в трех лицах. Поняли? Ну вот:
То был старик с длинейшей бородою,
Благообразный видом и лицом.
На облаке сидевший босиком;
Он выглядел довольно заурядно,
Но у него сиял над головой
Лучистый круг. Хитон его нарядный
Был из тафты небесно-голубой.
У плеч сбиралась в складки эта тога
И ниспадала, облекая стан,
До самых пят. А на плече у бога,
Лучистым нимбом тоже осиян,
С осанкою довольно величавой,
Сидел красивый белый голубок,
А на коленях христианский бог
Держал ягненка. Чистенький, кудрявый,
Был этот агнец хрупок, тонконог
И с розовою ленточкой на шее;
Над мордочкой — сиянья ореол...
Так, триедин, бог в гости к ним пришел.
Мария сзади семенит, краснея,
Застенчиво потупив робкий взгляд.
Смотрели боги, путь освобождая...
Явился также ангелов отряд,
Но у ворот остался, поджидая.

С коротеньким приветствием к гостям,
Учтив, но сух, Юпитер обратился.
Старик хотел ему ответить сам,
Но, речь начав, довольно скоро сбился.
Тогда он улыбнулся, поклонился

Хороший тон есть много не велит.
Бормочет он: «Благодарю, я сыт!»
А голубок, нахохлившись сердито,
Едва клюет, стараясь показать,
Что у него совсем нет аппетита
И что обед могли б получше дать.

Богини же Венера и Юнона
(Особенно спесивая персона),
Едва взглянув с усмешкой ледяной
На выскочек, между собой шептались,
Небрежно к ним поворотясь спиной,
Исподтишка над Девой смеялись.
Ее смущенный вид, пожалуй, мог
Дать к этому достаточный предлог.

Так росшую в глуши отроковицу
Привозят вдруг в блестящую столицу.
Вот в Тиволи она на бал пришла...
Ни у кого стройнее нету стана!
Она свежа как персик, и румяна,
Застенчива, прелестна и мила,
И все ее с восторгом окружают...
Но вот на бал франтихи приезжают,
Презрительно прищурившись, глядят,
Скрыв горькую досаду, и твердят:
«Что за манеры! Никакого лоска!
А пошлый вид! А глупая прическа!»

Соперницы такие ж словеса
И в Тиволи небесном изрекали;
Но, вопреки суровой их морали,
Столь черные и влажные глаза
С ресницами столь длинными, густыми,

Красивы, и гордиться можно ими.
А розовые губки, хоть молчат,
Красноречиво счастье сулят.
А перси-то! Упруги и округлы,
И вишнями увенчаны, и смуглы...
Еврейке ли они принадлежат,
Иль христианке — разница какая
Для тех, кто тонет в неге, их лаская?

И шепчут все друг другу: «А малютку
За красоту нельзя не похвалить.
Как улучшить удобную минутку
И новую богиню соблазнить?
Пусть Аполлон за ней поволочится:
На это он, наверно, согласится».
Но занят был в то время Аполлон:
Дабы развлечь гостей высоких, он
Пел арию в сопровожденье хора.
А вслед за тем явились: Терпсихора,
Три грации, Психея, Купидон,
И был балет поставлен в заключенье.
Мария, не скрывая восхищенье,
Внимательно на зрелище глядит,
В ладоши бьет, с восторгом говорит:
«По-моему, они танцуют дивно!»
Хотя была и скромной, и наивной,
Заметила в конце концов она,
Что красота ее оценена
И Аполлону нравится немало.
Успехами весьма ободрена,
Она на комплименты отвечала.
Понадобилось выйти ей; куда —
Читатель угадает без труда.

Ведет ее проворная Ирида
В покои, где живет сама Киприда.
Вдруг — с умыслом, нечаянно ли — дверь
Захлопнулась; одна она теперь.

Глядит она направо и налево:
Так вот каков красавицы приют!
Стоит, любясь, несколько минут...
Что до сих пор видала наша Дева?
Лишь мастерскую мужа своего,
Да жалкий хлев, где в ночь под Рождество
Младенца родила (хоть не от мужа).
Робка, еще немного неуклюжа,
Решается по комнатам пустым
Она пройтись; толкнула дверь, и сразу
Увидела агатовую вазу,
Овальную, с узором золотым.
Полюбовалась хрупкою вещицей,
Потом, сказав: «Ой, как бы не разбить!»
Спешит ее на место положить.
Затем проходит длинной вереницей
Гостиных и салонов, пышных зал
Со множеством диванов и зеркал,
Где вкус царит, отнюдь не симметрия.
Немало безделушек и цветов,
И скляночек для амбры и духов
Там видит восхищенная Мария.
Повсюду бродит любопытный взгляд...
Ах! Вот Киприды щегольской наряд,
Сандалии, а также покрывало,
Венок из роз и пояс дорогой,
А для прически — обруч золотой...
«Какой убор! — Мария прошептала. —